

Александр Эл

Старик и рыба, и
автомат

16+

Александр Эл
Старик и рыба, и автомат

«ЛитРес: Самиздат»

2020

Эл А.

Старик и рыба, и автомат / А. Эл — «ЛитРес: Самиздат», 2020

Корреспондент военной газеты, по заданию редакции посещает отдельные конвойные подразделения, охраняющие колонии заключённых. Там он узнает о таком, что никогда не напишут в его газете.

- Пап, а пап, какая книга, моя любимая?
- Откуда я знаю, какая книга, твоя любимая? Это что ещё за вопрос?
- Мне нужно написать, а я не знаю что.
- Ну, напиши, что тебе нравится.
- Да, не люблю я книги, я не знаю, какая хорошая. Напишу, а мне скажут, неправильно.

Сын Алексея учился в университете. Изучал Городское планирование. Там, в группе однокурсников услышал, что он учится на бюрократа, и чтобы им не стать, нужно развиваться. Университет предлагал дополнительные, необязательные курсы, на выбор студентов. Сыну показалось, что самым лёгким, для развития, будет изучение литературы. Читаешь в своё удовольствие, и развиваешься.

И вот сейчас, было что-то вроде экзамена или зачёта. Нужно было назвать любимую книжку и объяснить, почему она любимая. Сын прочитал несколько книг и сказал, что все они хорошие, но кино он любит больше. А ещё больше, он любил компьютерные игры. Но деваться некуда, надо признаваться, какая книга – «самая любимая!»

Хороший вопрос, подумал Алексей. А моя, какая самая любимая книга? В юности Алексей читал запоем, полными собраниями сочинений. Жил жизнью героев этих книг, жизнью немцев, французов, американцев, русских. Языков Алексей не знал, всё читал в переводе, и всегда восхищался этими переводами. Никаких различий между немцами, французами или русскими, не ощущалось. Разве, что имена и географические названия. Даже возраст героев не мешал, и не вызывал раздражения, старики не казались стариками. Все люди разные, со своими проблемами, и в то же время, понятные. Откуда же сейчас взялось это – «наши ценности», или «не наши ценности»? Почему ценности вдруг стали разными? Неужели люди настолько изменились? А может, просто, те книги были хорошими? А какая же, самая любимая? Или нет, какая книга самая запомнившаяся? Конечно та, что читал ночью, в автобусе.

Автомат мой, автомат, я люблю тебя, как брат.
Я люблю тебя, как брат, автомат мой, автомат...

– Это чего такое? – ответственный секретарь дивизионной газеты поморщился, и отодвинул от себя помятый листок бумаги.

– Это солдат стихи написал.

– Ах, это солдат написал? Ну-ка, дай сюда. Так, автомат мой, автомат. Я люблю тебя как брат... Так дальше, стреляет..., чистит..., хорошо, хорошо! Спит с ним? На посту, что ли? А, он во сне с ним спит. Хорошо, хорошо... Давай поставим. А это, что за солдат? Не разгильдяй какой-нибудь? Или это ты, из командировки привёз? А почему, не показал?

– Да я показал, Лившицу. А он спрятал. Я сегодня спросил, где? А он говорит, что это говно.

– Ладно, иди отдай Лившицу, скажи, я сказал – готовить в номер. Да, и вот, чуть не забыл, тебя тут наградили, поздравляю – майор сунул в руки картонную коробочку.

Алексей, от неожиданности забыл сказать, как положено, – служу.... В коробке лежал знак «За отличие в службе, Второй степени» и удостоверение, что знак действительно принадлежит Алексею. Это награда была самой маленькой наградой из тех, что прикручивали к кителю. Ведомственная, награда, даже не государственная. Но всё же, не это смутило Алек-

сея, а то, за что дали? За работу в газете? Этим знаком награждали далеко не всех, поэтому награда вызывала зависть, особенно у солдат. Считалось, что её дают за что-то необычное. А необычное, случалось...

Восемнадцатилетние парни, после недолгой подготовки, получали в руки оружие с боевыми патронами, и должны были охранять матёрых, опытных уголовников, никогда не оставлявших мысли о побеге. Для «криминалитета», препятствием к свободе был желторотый подросток с автоматом, стоящий перед выбором, стрелять, или не стрелять. Вчерашний школьник должен быть морально готов, стрелять в человека, возможно, убить его. Если сбежит, сядешь вместо него, – внушали командиры. Но это ещё хорошо, по сравнению с тем, что мог сделать настроенный на побег уголовник, чтобы устранить препятствие, вставшее у него на пути. Именно поэтому, солдат-охранник, заступая на пост, заряжал магазины автомата только по десять патронов. Чтобы, если его убьют, не вооружать убийцу полным боекомплектом. Максимум, два рожка, по десять патронов. Два, для того, чтобы запаниковавший солдатик, не расстрелял все патроны сразу, одной очередью. Для второго шанса, ещё десять патронов. И всё. Несколько часов, подросток, заступивший на боевую службу, оставался наедине с собственными мыслями.

Вот был бы десантником, прыгал бы с парашютом. Страшно, конечно, зато драться научился бы, силу бы накачал. Пришёл бы после армии домой, готовый спортсмен. А форма, какая красивая. И стрелял бы только по мишеням. Герой, защитник Родины! А я кто? Два года с эсками. Тюремщик, НКВДист. Форма солдата внутренних войск, особенно в некоторых областях России не вызывала энтузиазма у населения. В той самой командировке, мотаясь несколько дней по ротам, Алексей решил пойти с солдатами в баню. Своей бани в части не было. Строем ходили в городскую. Чтобы не перегружать это заведение, которое и так не простаивало, мыться шли в 6 часов утра. Город уже просыпался, на остановках уже ждали автобус пассажиры. Вдруг, вслед строю солдат с вениками, кто-то закричал, – фашисты! Эсэсовцы! Слышать это, было обидно. Ведь мы же, такие же пацаны, как и те, что на остановке. Казалось, что это случайность, чтобы так кричали, Алексей раньше не слышал. Однако, в этот же день, солдатик узбек, собиравшийся в очередное увольнение, надоумил Алексея сходить с ним в город, посмотреть в местном кинотеатре, узбекский кинофильм. На улице спросили двух, случайно проходивших солдат-танкистов, как пройти к кинотеатру? Те, с презрением ответили, что с эсэсовцами, они не разговаривают. Солдаты были одеты в точно такие же сапоги, шинели и шапки. Отличался лишь цвет погон и буквы на них, не ВВ, Внутренние Войска, а СА, Советская Армия.

Случалось, что попав во внутренние войска, поняв, куда они попали, новобранцы служить категорически отказывались. Чаще всего это происходило, когда кто-то из родственников уже успел отсидеть, а таких, на бескрайних просторах Родины, было немало. Отказников переводили куда-нибудь в армейский стройбат, с глаз долой. А те, вчерашние школьники, что остались служить во внутренних войсках, начинали изучать тёмную сторону жизни, о существовании которой ещё вчера они даже не подозревали.

Алексей случайно узнал, что конвойный полк попал служить, его школьный приятель. Пользуясь привилегией сотрудника дивизионной газеты, он попытался навестить его, однако, как оказалось, тот попал в медчасть. Новобранцам, в порядке образования, показывали специальный вагон для перевозки заключённых. Там, стояла вызывающая рвоту, кислая вонь. Одна из скамей была залита, стекавшей на пол, ещё не засохшей кровью. Жуткая картина вызвала вопросы. Инструктор объяснил, что один из заключённых, где-то раздобыл гвоздь, и

ухитрился прибить свою мошонку к скамье, на которой сидел. Когда вагон прибыл к месту назначения, заключённым приказали встать и выходить из вагона. Встал и тот, с прибитой мошонкой. Кровь хлынула потоком. Предположительно, заключённый так спасал свою жизнь. Скорее всего, его ждала расправа, внутренние разборки заключённых между собой. А с такой раной, его немедленно вынуждены были отправить в госпиталь. Выслушав этот увлекательный рассказ, надышавшись невыносимой вагонной вони, знакомый Алексея упал в обморок, и сейчас находился под наблюдением медиков. Им предстояло решить, сможет ли данный солдатик служить дальше, можно ли ему доверить боевое оружие, или же, обследование следует продолжить в психбольнице.

Нервные срывы, у мальчишек, с ещё неокрепшей психикой, происходили не часто, но происходили. Во время судебного заседания, охранявший подсудимого, солдат срочной службы, наслушавшись показаний свидетелей, убил обвиняемого, прямо в зале суда, разрядив всю обойму пистолета. Солдатику повезло, его наказали, но могло быть хуже. Судебное заседание продолжилось, и уже мёртвого обвиняемого, приговорили к расстрелу.

К слову сказать, в судах, где судили за тяжкие преступления, чаще всего приходилось охранять преступников от их жертв. Вчерашние школьники, рискуя здоровьем и жизнью должны были защищать подонков, от ослеплённых гневом и жаждой мести, родственников пострадавших, подкарауливавших конвой, в самых неожиданных местах. В кино, эти жуткие ситуации не показывали. В кино, было принято показывать отважных разведчиков, героев парашютистов, пограничников с умными собаками. У конвойников тоже были собаки, тоже овчарки. Только тренировали их не по следу ходить, а пугать эков. Эти злые сторожевые псы реагировали на звук выстрела, и на запах арестантской робы, якобы сохранявшей после санобработки, специфический запах.

Травить собаками живых людей, стрелять в безоружных? С такими, и другими похожими мыслями, солдаты ложились спать. Так, где же, служить легче? Там где почётно, там, где готовят защитников Родины, где бояться нужно лишь собственной глупости, ведь это, всё та же учёба, продолжение школы, или там, где уже реальная работа, страшная и грязная? Сколько там всего происходило. Сумел взять ситуацию под контроль, не растерялся, спас чью-то жизнь, получи награду. Вот, такую же, как сейчас получил Алексей. Что он скажет, когда спросят, за что? А не надеть знак нельзя, тут уж начальство спросит, почему не надел. Теперь, это уже часть формы.

– Лившиц! Майор приказал ставить стихи в номер.

– Ах так, да? – взорвался Лившиц, – стихи говоришь? Это не стихи, а говно. А ты читал стихи Анны Ахматовой? Ты помнишь... – Лившиц стал бросаться цитатами.

Лившиц закончил факультет журналистики, и даже успел поработать на радио, слыл грамотеем, и при каждом удобном случае, демонстрировал интеллектуальное превосходство над окружающими. Его призвали на год. Побегав, для вида месяц в учебке, его прямиком направили в дивизионную газету. И вот сейчас, Лившиц изображал из себя начальство, хотя его никто не назначал, и никакой властью не наделял. Задача Лившица была исправлять ошибки, составлять удобоваримые тексты, из тех обрывков, что поступали в редакцию. Однако Лившиц почему-то считал, что это именно его дело, не допускать на страницы газеты стихи, если по качеству они уступали Ахматовой.

– Лившиц! Ты не перепутал дивизионную многотиражку с Литературной Газетой? – Алексей всё ещё пытался убедить Лившица в том, что ничего ужасного не произойдёт, если эти, недостаточно художественные, с точки зрения Лившица стихи, увидит высококультурное конвойно-милицейское сообщество. Тем более, что стихи в газете появлялись лишь тогда, когда медведь в лесу сдохнет. Желających добровольно писать в эту газету, не то что стихи, но и вообще что-либо, практически не было. Это делали либо политработники, после очередного нагоняя, либо, штатные сотрудники газеты. Солдаты же, даже не пытались, для них это был недостижимый, даже в мечтах, уровень творчества, что сейчас изо всех сил и доказывал Лившиц. Алексей был убеждён, что Лившиц радостно «зарезал» бы и Анну Ахматову, да и Пушкина заодно. Но сейчас он использовал Ахматову, как аргумент.

– Нет! Мы не можем! – продолжал распалаться Лившиц, – Гумилёв сказал... „Правдива смерть, а жизнь бормочет ложь...“

– Лившиц, я тебя убью! При чем тут Гумилёв? Майор сказал, в номер! Вот и готовь в номер!

Сколько же дури в голове у этого Лившица. Не учили его уму разуму. Не красил он траву, не копал канаву от забора и до обеда, и не чистил унитаз зубной щёткой, как все нормальные салаги.

Алексей вспомнил, как ему «открывали глаза на жизнь». Он тогда только пришёл с учебки. Майор, из милицейского батальона, притащил откуда-то из городского УВД, фоторужье. Одно время стало популярно заниматься фото охотой. Зачем зверя убивать, если зверя можно сфотографировать? Для этих целей, промышленность выпустила фотоаппарат, с длиннофокусным объективом и прикладом. Птичек всяких, можно фотографировать, ну и вообще. Вот такую штуку и притащил майор. Однако сам пользоваться не умел. План у него, был коварный – сфотографировать солдат милицейского батальона, во время патрулирования в городе. А то, понимаешь, они перед бабами ... «выпендриваются», и кители не застёгивают, безобразно нарушая форму одежды! Вот на таких ... «разгильдяев», мы и будем охотиться! А потом, карточки, в Ленинской комнате повесим!... Дело пахло керосином.

– Товарищ майор, эти головорезы, мне жопу отобьют, – связываться с милицией, у Алексея не было никакого желания. С ними, даже драться бесполезно. Всё равно побьют. Этот вывод Алексей сделал недавно. Себя он считал, если не спортсменом, то крепким парнем. Но убедился, что это, ровным счётом, ничего не значит.

Каждый солдат милицейского батальона, за семь часов вечернего патрулирования неблагополучных районов, совершал в среднем, до восьми задержаний. В основном задерживали пьяных забулдыг и хулиганов. Редко, кто из них не сопротивлялся. Бывало всякое, но почти всегда, удавалось доставить задержанных в райотдел. Учитывая то, что служба была ежедневной, это превращалось в регулярные тренировки, каждый раз с новым, непредсказуемым противником. У любого из них, вполне могло оказаться оружие. А вот, солдатам на патрулирование по городу, оружие почти никогда не давали, не доверяли. Задержать нужно, голыми руками. Не было даже наручников. Всё что есть, милицейская фуражка с кокардой. Но что любопытно, лица никогда не прятали, а неоправданный мордобой, осуждался и солдатами, и офицерами. А чтобы пакостить было неповадно, одних и тех же солдат направляли патрулировать, одни и те же улицы. Чтобы улица, в лицо знала своих героев. Если напакостит, то не

спрячется. Либо улица накажет, либо придётся отвечать по закону. Так воспитывалась ответственность.

Задача – подозреваемого задержать, и доставить, и ничего больше. Такая тренировка не имеет ничего общего со спортом, или даже с боями без правил, в которых всё равно есть правила. Нельзя бить пальцами в глаза, нельзя бить кирпичом, стамеской, или топором. Нельзя обливать бензином, ну и так далее. Улица не спортзал, солдат должен быть готов ко всему. Каждый день реальная опасность, если случится бой, и затрещат кости, то никто, никакой рефери, его не остановит. А каждый мужик на улице, каждый пьяница, служил в армии, встречались и спортсмены, и просто сумасшедшие.

Однажды Алексей бежал по вызову начальства, а одному из милицейских сержантов захотелось поговорить.

– Эй ты, с фотоаппаратом, фотографируй.

Алексей отмахнулся, всем видом показывая, что торопится, и сейчас не до этого. Тогда сержант рявкнул, – задержать! Два солдата в милицейской форме, без всякой подготовки, мгновенно схватили Алексея, что совершенно его взбесило. Каждый солдат, был на полголовы ниже его, но самое ужасное, что Алексей ничего не мог сделать. Он пытался драться даже ногами, но всё было бесполезно. Ему не заламывали руки, не валили на землю, просто держали. И было ощущение полной беспомощности. Его могли увести, или унести, стоило лишь сержанту приказать. Все, кто видел эту сцену, и солдаты, и офицеры от души потешались над тем, как трепыхался Алексей, перед задумчиво разглядывавшим его, сержантом. Оторвать мухе крылышки, или так, отпустить? Алексея отпустили, но урок он запомнил. И вот сейчас, майор готовил такую подставу.

– Не бойся. Ничего не будет.

– Товарищ майор, жопу отобьют! Вы не слышали, что дежурный по дивизии, рассказывал?

Ответственный секретарь газеты, как и любой штабной офицер, по графику отбывал очередное дежурство. Где-то под утро, делая формальный обход подразделений, он оказался в казарме милицейского батальона. Слышу, из Ленинской комнаты раздаются странные звуки. Как будто мешки на пол сбрасывают, и ухают, при этом. Ух, ух... Хотел дверь открыть, а она изнутри заперта. Постучал, ухать перестало, и тишина. Я громче постучал. Дверь открыли, но внутрь не пускают. Солдат дверь перегородил, наглость какая! Я ему, что происходит? А он говорит, политзанятия! Ну, я его оттолкнул, а там на полу, один лежит, корчится, он уже кричать не может, а другие вокруг стоят. Все в форме милиции. Спрашиваю, в чем дело, кто такие? Молчат. Короче, оказалось, что этот, который на полу, напился во время патрулирования, и попался. В наказание, вместо того, чтобы спать после службы, весь взвод подняли в ружье, и бегом на стрельбище. Всю ночь они копали окопы, и вот только сейчас вернулись. Скоро подъем, и опять на службу. Спать некогда. Вот, говорят, воспитываем, чтобы больше не пил. Спрашиваю, вы что, его били? Нет, говорят, только жопой об пол, чтобы, говорят, следов не осталось! Я говорю, безобразие! А, они меня, как-то так обступили... Подумал, а вдруг и меня, вот так же, об пол, и следов не останется. Я им, – равняйся, смирно! А они как-то так, нехотя. Едва ноги унёс. Да ну их, пусть сами разбираются. Тот-то, наверное, пить больше не будет.

– Ладно, я понял, жопу не отобьют, – правдами и неправдами, майор всучил Алексею фоторужье. Однако охотится на милицию, оказалось непросто. Все ходили по городу чинно и благородно, в застёгнутых кителях.

– Признайся, ты их предупредил? – второй день подряд охота не удавалась. Мотаться по всему городу на машине, незаметно выискивая, где, в какой подворотне, ходят патрульные, оказалось очень затяжным, и непродуктивным занятием. От скуки, майор учил Алексея жизни. Поводом послужила книга про донкихота, которую Алексей недавно прочитал, и был впечатлён тем, что свои подвиги Дон Кихот посвящал женщине. Тема женщины, в таком возрасте, всегда актуальна, особенно у солдат, когда нерастроченная энергия рвётся наружу, а обстоятельства вынуждают соблюдать моральный облик. А майор человек восточных кровей, рассуждал о женщинах в упрощённом, прикладном смысле. Нарушив субординацию, Алексей обозвал майора циником, «ничего не понимающим в женщинах». Потому, что Дульсинея Тобосская, возлюбленная дама сердца Дон Кихота, хоть и была плодом его воображения, но олицетворяла суть и смысл женщины! Ладно, сказал майор, мне тут нужно, в одно место заехать ...

Зашли в ворота двора с высоким забором, милиционер изнутри закрыл их на замок.

– Ты меня здесь подожди, я быстро, – сказал майор и вместе с милиционером скрылись за дверями длинного, одноэтажного здания.

Во дворе было темно, Алексей стоял под единственным фонарём и пытался сообразить, почему майор не оставил его в машине. Он не сразу заметил шевеление возле неосвещённого забора. Там были люди. Послышались голоса, они разговаривали между собой. Вероятно, появление Алексея прервало их общение. Сейчас они снова заговорили, и при этом женскими голосами.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.